

МИХАИЛ ГИНЗБУРГ

МАЛЯВЫ СЕНИ ВОЛКА

18+

Михаил Гинзбург

Малявы Сени Волка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72028084

SelfPub; 2025

Аннотация

«Сеня Волк, опытный арестант с философским взглядом на мир, тихо доживает свой век в камере №4 тюрьмы „Сосновый Бор“. Но однажды рутинный тюремный быт резко нарушается появлением необычного гостя – призрака молодого заключённого по имени Вася, чей главный жизненный пробел неожиданно оказался связан с вопросами интимного характера. Теперь старому вору и его колоритным сокамерникам предстоит обучить застенчивое привидение секретам любви, параллельно лавируя между контрабандными сделками, философскими спорами и угрозой разоблачения. Остроумная, абсурдная и удивительно трогательная история о том, что настоящие друзья найдутся даже на том свете!»

Михаил Гинзбург

Малявы Сени Волка

Глава 1

Календарь на стене нашей четвертой камеры – если эту засаленную бумажку с полуоторванным ликом какой-то девицы в кокошнике можно назвать календарем – показывал двадцать третье ноября. Впрочем, тут, в казенном доме «Сосновый Бор» (ирония тюремщиков не знает границ, сосен тут отродясь не бывало, только чахлые березки да вечная грязь), что ноябрь, что апрель – один черт, только в телогрейке. Хмарь за окном – этой бойницей в стене, сквозь которую мир кажется размером с почтовую марку – висела уже третий день. Не просто хмарь, а такая густая, промозглая взвесь, будто небесная канцелярия разбавила свинец слезами всех брошенных жен и матерей, да и выплеснула на наши головы. Сырость пробирала до самых костей, тех самых, что уже не первой молодости и скрипят по утрам, как несмазанные ворота в прошлое.

Мои записки – привычка старая, въевшаяся, как татуировка «Не забуду мать родную». Кому они нужны? Да никому, кроме меня самого. Способ не столько запомнить, сколько выплюнуть из себя этот тюремный быт, пережеванный и высушенный до состояния воблы. Я, Арсений Петрович

Волков, для своих просто Сеня Волк, тут не впервые, и, сдаётся мне, не в последний раз разглядываю этот пейзаж из четырех стен и одной решетки. Семьдесят три стукнуло по осени, а все туда же – «особо опасный». Смех, да и только. Опасность моя теперь – это успеть доковылять до отхожего места, не расплескав остатки бывшего достоинства.

Соседи мои по этому каменному мешку – тоже экземпляры хоть в кунсткамеру, хоть в анналы криминалистики. Вот Лёва Философ, он же Лев Борисович Кац, бывший доцент чего-то там гуманитарного, винтит свою бесконечную шарманку о диалектике бытия и бренности сущего. Бородка клинышком, очки на кончике носа – вылитый Троцкий на минималках. – Арсений Петрович, – забубнил он как раз, отрываясь от какой-то замусоленной книжонки, – вы не находите, что сама концепция инкарцерации есть ни что иное, как экзистенциальный вызов индивидууму, проверка его внутренней свободы перед лицом внешней несвободы? Я только хмыкнул. Ему бы лекции читать, а не нары полировать. Хотя, какая разница, публика и там, и тут не всегда благодарная. – Нахожу, Лёва, нахожу, – буркнул я. – Особенно когда баланду принесут. Такой вызов, что вся внутренняя свобода наружу просится.

Напротив меня, на нижних нарах, развалился Эдик Грузин, Эдуард Арчилович Гоглидзе. Семьдесят стукнуло, а все туда же – орел, покоритель женских сердец. Усы седые, пышные, как у кота Базилио, только что шляпы с пером не хва-

тает. – А я тэбэ скажу, Сэня-джан! – гаркнул он, перекрывая Лёву. – Женщина – это как хачапури! Снаружи горячая, внутри сыр тянется, а если долго ждать – остынет и нэ то! Вот у мэня была одна... Марго! Ох, какие формы, какой темперамент! Я ей стихи читал... под коньячок! Истории Эдика про Марго, Светлан, Гюльчатай и прочих мифических созданий были нашим ежедневным сериалом. Бесплатным и беспощадным. Иногда мне казалось, что всех этих женщин он выдумал, сидя тут, от тоски и недостатка того самого «сыра». – Коньячок-то хоть не паленый был, Эдик? – поддел я. – А то отравишь музу, кто ж тебе тогда позировать будет для очередного шедевра? Эдик насупился, но тут же расплылся в улыбке. – Настоящий, Сэня! Как мои чувства к ним! Пятизвездочный!

Третий наш постоялец, Никодим Фомич Пыжов, или просто Кодя, самый молодой из нас – шестьдесят пять всего – но самый затюканный. Вечный ипохондрик и паникер. Сейчас он сидел на своей койке, поджав ноги, и что-то сосредоточенно ковырял в щели под расшатанной доской пола. Его глаза-буравчики так и шныряли по камере, будто ожидая, что вот-вот с потолка спрыгнет ОМОН или, на худой конец, крыса размером с бобра. – Опять ты свою заначку проверяешь, Кодя? – не удержался я. – Не съели еще твои витаминки? Кодя вздрогнул, быстро прикрыл доску старым валенком. – Да так, Арсений Петрович... Сквозняк оттуда, продует еще. А у меня и так давление скачет, вчера фельдшерица сказала...

Фельдшерница ему каждый день что-то говорила, и каждый раз это был новый смертельный диагноз. Чудо, что он вообще до сих пор живой с таким букетом. Хотя, может, именно эта вечная тревога и держит его на плаву. Наша мелкая контрабанда – чай покрепче, сигареты получше, иногда кое-что и посерьезнее для «нуждающихся» с других камер – по большей части лежала на его параноидальной бдительности. Тайники он оборудовал такие, что сам черт ногу сломит. И сейчас, судя по его виноватому взгляду, в одном из таких тайников явно что-то ожидало своего часа.

День тянулся, как резина от старых кальсон, – медленно и безрадостно. Поскрипывали нары, Лёва шуршал страницами, Эдик тихонько мурлыкал что-то разухабисто-грузинское, а Кодя каждые пять минут прислушивался к шорохам за дверью. Я пытался выводить в своей тетрадке буквы, складывать их в слова, слова – в это вот самое повествование. А за окном все так же нудила мелкая, почти невидимая изморось, превращая и без того унылый тюремный двор в мутное болото.

Вечерняя проверка прошла как обычно – лязг засова, равнодушные лица вертухаев, пересчет голов. Отбой. Камера погрузилась в полумрак, разбавленный тусклым светом лампочки над входом, той, что в народе метко прозвали «глаз Сатаны». Сопение, покашливание, скрип костей Эдика, когда тот ворочался, пытаясь уложить свое грузное тело удобнее. Я лежал, уставившись в потолок, где на штукатурке

проступали причудливые узоры, похожие то на карту неведомых островов, то на профиль какого-то бородатого пророка.

И тут, в этой привычной ночной симфонии тюремных звуков, я уловил что-то новое. Тихий, едва различимый вздох. Не похожий ни на старческое сопение Коди, ни на прерывистое дыхание Лёвы, ни на богатырский храп Эдика, когда тот забывался сном. Вздох был легким, почти детским. И шел он будто бы из самого воздуха, из пустого угла у двери, где обычно Кодя складывал свои тряпки. Я прислушался. Может, показалось? Нервы ни к черту, возраст. Но нет. Снова. Тихий, печальный такой вздох. И еще... едва уловимый запах. Станный. Не тюремный. Чем-то сладковатым, как дешевая карамелька, которую мне в детстве покупала мать перед походом в цирк. Холодок пробежал по спине, совсем не от сквозняка. Что-то в нашей четвертой камере было не так. Что-то новое и совершенно непонятное только что заявило о своем присутствии.

Глава 2

Шепот из Пустоты

Этот вздох и карамельный душок еще долго свербили мне в носу и ушах, мешая провалиться в ту вязкую, без сновидений дрему, которую здесь, за решеткой, только и можно назвать сном. Мало ли что причудится старому хрычу в казенных стенах? Может, мышь где скребется особенно жалоб-

но, или ветер в трубе так завывает, имитируя человеческое дыхание. А карамель... да мало ли от кого из сокамерников могло остаться такое воспоминание в подкорке? Может, Эдик, вспоминая очередную пассию, так живо ее себе представлял, что и мне фантомный запах достался. В общем, отмахнулся я от этих ночных бредней, как от назойливой мухи. Старость – не радость, а старческий маразм – и вовсе не подарок.

Утро началось, как обычно, с переключки и баланды, серой и безвкусной, как жизнь среднестатистического обывателя на воле. Небесная канцелярия, похоже, решила не менять репертуар: за решеткой все та же муть, только теперь с редкими, колючими снежинками, которые тут же таяли, едва коснувшись мерзлой земли тюремного двора. День обещал быть точной копией вчерашнего, такой же тягучей канителью из ничего.

Лёва Философ с утра взялся за «критику чистого разума», пытаясь втолковать Эдику Грузину разницу между априорными и апостериорными суждениями. Эдик, естественно, все сводил к женщинам.

– Вот скажи мнэ, Лёва-джан, любовь – это априори или апостериори? Когда я вижу женщину, такую, как моя Гюльчатай, у меня сразу априори – хочу! А потом уже апостериори – получится или нет!

– Эдуард Арчилович, вы вульгаризируете Канта! – морщился Лёва, поправляя очки. – Страсть и гносеология – это

разные плоскости бытия!

Кодя Пыжов тем временем с подозрением разглядывал свою кружку с чаем, будто опасаясь, что туда ему подсыпали если не яду, то уж точно какую-нибудь заразу.

– Вода сегодня какая-то... с привкусом, – пробормотал он, косясь на меня. – Не замечали, Арсений Петрович? У меня аж в горле першит.

Я молча отхлебнул свой чифирь, густой и горький, как само тюремное существование. Привкуса не заметил, но вот что-то другое... Моя тетрадка, та самая, в которую я сейчас эти строки вывожу, лежала на тумбочке не совсем так, как я ее оставил вечером. Угол был чуть сдвинут к краю. Мелочь, конечно. Мог сам во сне задеть. Или кто из наших ночью шарился. Но обычно я такие вещи замечаю. Память на детали – профессиональное.

Днем, во время прогулки по этому бетонному загончику, который тут гордо именуют «прогулочным двориком», я снова ощутил этот легкий холодок, хотя ветер вроде бы стих. И опять этот едва уловимый запах карамели. Я даже остановился, покрутил головой. Остальные арестанты, такие же серые тени, как и мы, месили грязь кругами, не обращая на меня внимания. Показалось. Точно показалось.

Вечером, когда уже готовились к отбою, я сидел за своим «рабочим местом» – сколоченным из досок подобием стола – и пытался заточить огрызок карандаша. Освещение от «глаза Сатаны» было никудышным, все плыло в желтоватом

полумраке. И тут карандаш, который я на секунду отложил, чтобы протереть глаза, медленно, но совершенно отчетливо покотился по столешнице. Сам. Ни сквозняка, ни толчка. Просто взял и покотился, остановившись точно на краю. Я замер.

– Эй, кто балуется? – негромко спросил я в пустоту камеры.

Сокамерники уже укладывались. Эдик что-то бурчал про недоваренный ужин, Кодя шуршал своим матрасом, пытаюсь найти в нем несуществующие комки. Лёва уже вроде как спал, уткнувшись носом в книгу.

– Ты кому, Сэня? – пробасил Эдик. – Опять с музами бэседуешь?

– Да так, – ответил я, поднимая карандаш. Сердце почему-то заколотилось чуть быстрее обычного. – Показалось, вроде как сквозняк.

Но это был не сквозняк. И не мышь.

Ночью я долго не мог уснуть. Все прислушивался. Тишина. Только привычные тюремные звуки. И все же... что-то изменилось. Воздух в камере стал как будто плотнее, тяжелее. Или это я сам себе накручиваю? Старый дурак, столько лет по тюрьмам, а туда же – в чертовщину поверил.

Я закрыл глаза, пытаюсь отогнать наваждение. И тут, прямо у самого уха, так близко, что я почувствовал ледяное дуновение, раздался шепот. Тихий, как шелест осенних листьев, но абсолютно ясный:

– Помоги...

Я рывком сел на нарах. В камере было темно и тихо. Сокамерники спали, каждый в своей позе вечного узника. Никого.

Но я не мог ошибиться. Это был голос. И он просил о помощи.

И запах... Запах дешевой карамельки снова наполнил угол у двери, густой и приторный, как предчувствие чего-то неотвратимого. Кажется, моя тюремная рутина только что дала серьезную трещину. И трещина эта пахла отнюдь не сосновым бором.

Глава 3

Знакомьтесь, Вася (Покойник)

«Помоги...» Это слово, тонкое, как паутина, и холодное, как февральский ветер, засело у меня в голове почище любого гвоздя. Спал я в ту ночь урывками, все вздрагивая от каждого шороха, от каждого скрипа нар. Старый волк, столько на своем веку повидавший, а тут от простого шепота готов был дать деру, кабы было куда. Только вот бежать из четвертой камеры можно было разве что на тот свет, а там, похоже, уже и так перенаселение.

Утром я был злой, как цепной пес, которого дразнят костью. Не выспался, да еще эта чертовщина в башке крутилась. Первым делом, пока сокамерники еще кряхтели, просыпаясь, я устался в тот угол у двери, откуда вчера так яв-

ственно несло карамелью и отчаянием. Пусто. Только пыль веков да Кодина телогрейка, брошенная как попало.

– Ну, и чего тебе? – буркнул я шепотом в пустоту. – Помощи просишь? А сам-то кто будешь, чудо-юдо неизвестное? Адрес, фамилия, статья?

Тишина. Только за стеной кто-то утробно закашлялся, сплевывая остатки ночи.

За завтраком я косился на своих соседей. Лёва Философ уже втирал Эдику что-то про солипсизм, мол, весь мир – это только его, Лёвино, воображение, включая и самого Эдика с его мифическими гаремами. Эдик, как обычно, не слушал, а с аппетитом наворачивал кашу, причмокивая так, будто это не тюремная размазня, а сациви из лучшего тбилисского ресторана. Кодя Пыжов опасно тыкал ложкой в свою порцию, выискивая там следы мышинового помета или, чего доброго, цианистого калия.

Никто из них, похоже, ничего не слышал и не чуял. Значит, либо этот «помогайка» персонально ко мне клинья подбивает, либо я окончательно тронулся умом на почве длительной отсидки и недостатка витаминов. Второе было вероятнее, но отчего-то менее обидно.

Решил действовать по-своему, по-стариковски: наблюдать и не делать резких движений. Если это глюк – пройдет. Если нет... тогда будем посмотреть.

Днем, когда нас выгнали на ту самую «прогулку» под мелким, нудным дождем, который будто специально зарядил,

чтобы окончательно отравить нам существование, я снова попытался наладить контакт. Отойдя в самый дальний угол дворика, где воняло мочой и безысходностью, я тихо спросил:

– Эй, карамельный, ты здесь? Если да, дай знать. Только без фокусов, не напугай братву раньше времени.

Ответом была все та же промозглая тишина, только капли дождя барабанили по моему капюшону, как пальцы по крышке гроба.

Вернулись в камеру – сырые, злые. Эдик тут же захрапел на своих нарах, компенсируя недостаток впечатлений. Лёва уткнулся в свою книгу. Кодя принялся сушить портянки на еле теплой батарее, распространяя по камере аромат, способный конкурировать с химическим оружием.

Я сел на свою койку, достал тетрадь. И тут оно началось.

Сначала моя ручка, старая, еще с воли прихваченная, сама собой скатилась с тумбочки. Тихо так, без стука. Я поднял, положил на место. Через минуту – снова тот же фокус.

– Да что за черт... – пробормотал я.

– Ты чего там бормочешь, Петрович? – лениво спросил Кодя, не отрываясь от портянок. – Опять давление?

– Давление у меня от твоих портянок, Никодим, – огрызнулся я. – А тут... ручка вот, акробатические этюды показывает.

Кодя посмотрел на меня с явным подозрением.

И тут мы оба увидели. Ручка не просто скатилась – она

медленно, будто ее кто-то невидимый толкал, проехала сантиметров десять по тумбочке и остановилась.

Глаза Коди полезли на лоб. Он икнул и быстро-быстро закрестился.

– Свят, свят, свят... – зашептал он. – Нечистая сила... Я ж говорил, место тут гиблое!

Его визг разбудил Эдика и оторвал Лёву от Канта.

– Что за кипиш, а? – проревел Эдик, садясь на нарах. – Опять клопы, Кодя? Я тебе говорил, дустом надо, дустом!

– Хуже, Эдуард Арчилович! – Кодин голос дрожал. – Тут... оно! Само движется! Арсений Петрович не даст соврать!

Все устали на меня. Пришлось рассказывать. Про ночной шепот, про запах, про ручку. Эдик слушал, набычившись, Лёва – заинтересованно поблескивая очками.

– Полтергейст, – вынес вердикт Лёва, когда я закончил. – Классический случай. Неупокоенная душа, привязанная к месту. Обычно это связано с насильственной смертью или незавершенным гештальтом.

– Какой такой гештальт? – не понял Эдик. – Это что, болезнь такая? Заразная?

– Это, Эдуард Арчилович, психологический термин, – снисходительно пояснил Лёва. – Означает незавершенное дело, неудовлетворенную потребность.

– А-а-а, – протянул Эдик. – Так может, ему просто... ну, этого самого... не хватает? Как моей Зухре в сорок пятом?

Я ей тогда...

– Тихо ты, знаток! – оборвал его я. – Надо понять, что ему надо. Эй, дух! – крикнул я в угол. – Ты кто есть? Имя у тебя имеется, или так, по номерам вас там сортируют?

Тишина. Потом моя кружка с недопитым чифирем чуть дрогнула на столе.

– О! – оживился Лёва. – Попытка коммуникации! Арсений Петрович, задавайте простые вопросы. Один стук – да, два – нет. Или наоборот.

Начался цирк. Мы битый час пытались установить контакт. Я стучал по столу, Кодя молился шепотом, Эдик давал советы в стиле «ты ему построжее скажи, Сэня, пусть не выпендривается!», а Лёва выдвигал одну гипотезу за другой.

Наконец, методом проб и ошибок, больше похожих на допрос с пристрастием, кое-что прояснилось. На «ты мужчина?» – один отчетливый толчок кружки по столу. На «ты старый?» – два быстрых. На «ты умер здесь, в тюрьме?» – снова один, но такой сильный, что чифирь выплеснулся.

– Молодой, значит, – подытожил я. – Здешний. Имени своего не говорит. Может, Васей звать будем? У меня сосед был по первой ходке, Вася Кривой, тоже молодой ушел...

Кружка легонько качнулась. То ли «да», то ли просто совпадение. Но «Вася» как-то прилипло.

К вечеру мы знали о нашем невидимом сокамернике чуть больше. Он был совсем пацан, лет двадцати, не больше. Умер недавно, прямо тут, в «Сосновом Бору». И ему было очень

одинок и... чего-то еще не хватало. Чего именно – Вася пока не «говорил». Только когда Эдик в очередной раз завел свою песню про «женские ласки» и «огонь любви», по камере снова пронесся тот самый тихий, печальный вздох и отчетливо запахло карамелью.

Мы переглянулись. Кажется, «незавершенный гештальт» нашего Васи начинал приобретать вполне конкретные, хоть и совершенно абсурдные очертания. Вечерняя проверка прошла как в тумане. Я смотрел на вертухаев и думал: вот вы нас считаете, а одного-то, самого интересного, и не видите. А он тут, с нами. Наш собственный, персональный покойник. И, похоже, с большими проблемами личного характера.

Глава 4

Неудобная Проблема Новопреставленного

Этот карамельный вздох, такой отчетливый и тоскливый, повис в нашей камере, как топор палача над плахой. Мы, трое старых арестантов, переглянулись, и в глазах каждого, даже у обычно непробиваемого Эдика, читалось одно и то же: «Влипли». Влипли по самые уши в историю, из которой так просто не выпутаешься. Одно дело – призрака обнаружить, другое – понять, что у этого призрака, оказывается, имеются претензии интимного характера.

– М-да, господа присяжные заседатели, – протянул я, когда молчание стало совсем уж неприличным. – Картина Репина «Не ждали», только в нашем случае, похоже, «Приплы-

ли». И что прикажете с этим... э-э-э... фантомным либидо делать?

– Либидо – это по Фрейдю, – немедленно встрял Лёва Философ, поправляя очки, будто они мешали ему видеть всю глубину проблемы. – Подавленное сексуальное влечение, не нашедшее выхода при жизни, сублимируется в посмертное беспокойство. Классика жанра. Бедный юноша, жертва репрессивной пенитенциарной системы и, возможно, собственного пуританского воспитания.

– Какого такого пуританского? – взвился Эдик. – Он же зэк, хоть и молодой! Какие там пуритане! Просто... нэ успел, да? Вах, жалко парня! Я в его годы уже...

И Эдик привычно завел было свою шарманку о том, сколько сердец он разбил и сколько крепостей взял, но даже он как-то сник под тяжестью момента. Одно дело – хвастать перед живыми, другое – перед тем, кто уже никогда не сможет проверить твои байки.

Кодя Пыжов сидел бледный, как тюремная стена, и мелко крестился под своей телогрейкой.

– Грех все это, Арсений Петрович, – прошептал он. – С покойниками о таком... Это ж... срамота! Нас за это Господь накажет! Или начальство... если узнает, что у нас тут... притон с духами!

– Начальство нас и так каждый день наказывает, Кодя, одной баландой, – отрезал я. – А Господу, думаю, сейчас не до нас, у него и без нашей камеры дел по горло. Вопрос в дру-

гом: что с этим Васей делать? Он же теперь от нас не отстанет. Будет тут вздыхать и карамелью вонять, пока мы сами в призраков не превратимся от его тоски.

Мы снова попытались «поговорить» с Васей. Методика уже была отработана: вопросы – и реакция в виде толчков кружки или изменения температуры в углу.

– Вася, – начал я, стараясь придать голосу отеческую строгость, которой у меня отродясь не было. – Ты из-за баб машешься, правильно мы поняли?

Кружка на столе подпрыгнула так, будто под ней взорвалась петарда. Чифирь снова пошел гулять по столешнице.

– Ясно, – крикнул Эдик. – В точку. Нэ было у парня этого, как его... опыта! Ни разу! Ай-яй-яй, какая трагедия!

Лёва кивнул с видом эксперта.

– Отсутствие эмпирического познания в сенсуальной сфере, – заключил он. – Это может стать серьезной психотравмой, даже для астрального тела. Ему необходимо закрыть этот гештальт.

– Закрыть – это как? – не понял я. – Справку ему выписать, что ли? Мол, «прослушал теоретический курс, в практических занятиях не замечен»? Или нам тут ему... бордель организовать? С призрачными жрицами любви?

Эдик оживился.

– А что, Сэня-джан! Идея! Мы бы ему таких историй на-рассказывали, он бы там, на том свете, первым парнем стал! Я бы ему про мою Амалию... как мы с ней на сеновале...

семь раз за ночь!

– Семь раз? – хмыкнул я. – Эдик, у тебя после третьего уже давление бы так скакнуло, что никакой сеновал не спас бы. Не заливай хоть покойнику.

– Да что вы понимаете! – обиделся Эдик. – Это же для вдохновэния! Для образа! Парню надо помочь раскрепоститься! Мы ему такой ликбез устроим, сам Зигмунд Фрейд с того света апплодировать будет!

И вот тут, среди этого балагана, состоящего из философских терминов Лёвы, хвастливых баек Эдика и панических всхлипов Коди, у меня в голове и щелкнула эта безумная мысль. Абсурдная донельзя, но, как ни странно, единственная, которая хоть как-то походила на «решение».

– А что, – сказал я медленно, пробуя мысль на язык, как пробуют сомнительное тюремное варево. – Если ему действительно это мешает... упокоиться... может, нам его, и правда, того... просветить? По данному деликатному вопросу. Чисто теоретически, разумеется. В виде лекций и наглядных... рассказов.

В камере на несколько секунд повисла такая тишина, что было слышно, как за стеной капает вода из неисправного крана – каждая капля отстукивала вечность.

Первым опомнился Кодя.

– Да вы что, Арсений Петрович! С ума сошли?! Это ж... это ж... – он даже слова подобрать не мог от ужаса. – Разврат! С покойником! Нас всех анафеме предадут!

– Кого «всех»? – усмехнулся я. – Нас тут и так уже предали всему, чему можно. А Васе, может, полегчает. Вдруг он после наших лекций диплом получит «Почетный любовник загробного мира» и свалит отсюда с миром?

Лёва Философ задумчиво потер подбородок.

– Хм... Весьма неортодоксальный подход, Арсений Петрович. Но, с точки зрения экспериментальной парапсихологии и кризисной терапии... в этом что-то есть. Мы могли бы стать пионерами в области посмертной сексуальной реабилитации!

– Вот именно! – подхватил Эдик, глаза его загорелись нездоровым энтузиазмом. – Я буду главным преподавателем! У меня такой опыт, такой материал! Вася будет не просто знать, он будет чувствовать! Я ему все передам – и страсть, и нежность, и...

– Только без рукоприкладства, Эдуард Арчилович, – предупредил я. – А то наш Вася совсем в астрал улетит от твоего напора. Теория, господа. Исключительно теория. И рассказы из богатого жизненного опыта.

Я посмотрел на свой дневник, на эти корявые строки. Старый вор, контрабандист, а теперь еще и... преподаватель курсов повышения загробной квалификации по особо интимным вопросам. Да уж, такой карьере любой позавидует. Внутри все переворачивалось от абсурдности происходящего, от этого балагана на краю могилы. Но, глядя на тот угол, откуда все еще едва заметно тянуло карамелью и юношеской

тоской, я почему-то чувствовал не только брезгливость или страх. А еще и какую-то странную, непрошеную жалость. И может быть, даже толику ответственности за этого непутевого призрачного пацана.

– Ну что, мужики, – сказал я, закрывая тетрадь. – Попробуем? Хуже, я думаю, уже не будет. А если получится – может, и нам зачтется. Где-нибудь там... в небесной бухгалтерии.

Глава 5

Первый Урок: Теория Большого Взрыва (По-Арестантски)

Итак, решение было принято. Наша камера номер четыре, доселе известная в узких кругах «Соснового Бора» разве что повышенной концентрацией старых грешников на квадратный метр, готовилась переквалифицироваться в первый в мире загробный университет сексуального просвещения. Преподавательский состав – я, Сеня Волк, в роли неохотного ректора и по совместительству переводчика с человеческого на призрачный; Лёва Философ – профессор теоретических дисциплин; Эдик Грузин – доцент кафедры практических утех с богатым, хоть и сомнительным, стажем; и Кода Пыжов – вечный оппонент и специалист по технике безопасности и морально-этическим последствиям. Студент – один, зато какой! Вася Неупокоенный, дух без плоти, зато с огромной дырой в образовании.

Начать решили на следующий день, после утренней проверки, когда основная масса тюремной жизни затихает до обеда. За окном все та же серая пастораль, только ветер сменил направление и теперь завывал в щелях так, будто тоже решил поучаствовать в нашем консилиуме, добавляя трагизма.

– Ну что, господа профессора, – хмыкнул я, когда дверь за вертухаем в очередной раз брякнула замком. – Приступим к сеансу одновременной игры с потусторонним разумом. Кто первый желает блеснуть эрудицией перед нашим невидимым слушателем?

Лёва Философ откашлялся, поправил очки и принял позу лектора у невидимой кафедры.

– Итак, молодой человек, – начал он, обращаясь к пустому углу, где, по нашим прикидкам, локализовался Вася. – Прежде чем мы перейдем к прикладным аспектам интересующего вас вопроса, необходимо заложить прочный теоретический фундамент. В основе всего, как известно, лежит инстинкт продолжения рода, биологический императив, заложенный в нас самой природой... или, если хотите, Абсолютом. Фрейд, как вы, несомненно, знаете... хотя, откуда вам знать... так вот, Зигмунд наш Яковлевич утверждал, что либидо есть первичная энергия, движущая сила...

Вася, похоже, от такой научной атаки впал в ступор. Даже привычный карамельный запах в углу как-то поблек. Кружка на столе стояла не шелохнувшись.

– Лёва, ты его сейчас в кому вгонишь, только уже в загробную, – не выдержал я. – Попроще нельзя? Без этих твоих абсолютов и императивов. Парень, может, и слова-то такого «либидо» не слышал. Ему бы... на пальцах.

– На пальцах – это ко мне! – тут же встрепенулся Эдик Грузин, отталкивая Лёву от воображаемой трибуны. Его глаза горели комсомольским задором. – Слушай сюда, Вася-джан! Все эти императивы – это для зануд! Главное – это огонь в крови и чтоб... э-э-э... инструмент был наготове! Вот я, когда был молодой, как ты, даже моложе... я одну девушку встретил, звали ее... э-э-э... Лейла! Черкешенка! Глаза – как два озера, а фигура – амфора! И вот мы с ней пошли в горы... звезды, луна...

И Эдик пустился в такие дебри своих эротических фантазий, что даже я, старый циник, заслушался. Там были и горные ручьи, и шашлык под звездами, и страстные признания, и такие акробатические этюды, что любой цирк позавидовал бы. Рассказывал он сочно, с кавказским темпераментом, активно жестикулируя и иногда даже подвивая от избытка чувств.

В углу, где обитал Вася, заметно похолодало. Кажется, наш студент был не то чтобы напуган, но определенно озадачен таким напором.

– Эдуард Арчилович, – встрял Кодя Пыжов, который до этого сидел тише воды ниже травы, только губы поджимал. – Вы бы хоть... поосторожнее с выражениями. Он же... ну...

неопытный. А вы ему сразу – горы, амфоры... У него ж там... э-э-э... астральное тело может не выдержать такого накала страстей! И вообще, это все... грех великий! И болезни всякие бывают! Даже... даже не знаю, бывают ли они у духов, но на всякий случай...

– Какие болезни, Кодя?! – взревел Эдик. – Ты о чем?! Я ему о высоком чувстве, о поэзии тэлесных отношэний, а ты – про болезни! Тьфу на тэбя!

Пока они препирались, я заметил, что Кодя как-то особенно нервно поглядывает на дверь и на свою «зачачку» под полом. Ага, значит, сегодня «день Х». Или «час Ч». Ожидается поступление «витаминов для души». Это объясняло его повышенную нервозность – боялся, что наши громкие «лекции» привлекут нежелательное внимание.

– Тихо, профессора, – сказал я. – Перемена. Студенту надо переварить полученную информацию. А нам, кажется, скоро предстоит лабораторная работа по другому предмету. Кодя, все по плану?

Кодя вздрогнул, кивнул и снова уставился на дверь, как кролик на удава.

Первый урок нашего загробного ликбеза явно не задался. Теория оказалась слишком заумной, практика – чересчур бурной, а предупреждения о последствиях – преждевременными. Вася молчал в своем углу, только легкий запах карамели, теперь уже с какой-то растерянной ноткой, напоминал о его незримом присутствии. Я вздохнул. Кажется, сексуаль-

ное просвещение духов – задача посложнее, чем организация побега из особо охраняемой зоны. Но мы, старые волки, трудностей не боимся. Особенно когда других развлечений в меню не предвидится.

Глава 6

Практикум для Привидения (С Наглядными Пособиями из Прошлого)

После того, как Кода Пыжов чуть не родил ежа от напряжения в ожидании «посылки с воли», и она, слава всем святым и не очень, благополучно материализовалась в одном из его хитроумных тайников (на этот раз это была партия отменного чифирь-чая и несколько блоков «народных» сигарет, которые здесь ценились выше иной валюты), в камере на некоторое время воцарилось подобие благодушия. Даже Лёва Философ отложил Канта и с наслаждением затягивался «Примой», выпуская дым колечками в сторону невидимого Васи – может, в качестве наглядного пособия по теме «рассеивания иллюзий».

Но наш загробный студент не давал о себе забыть. Карамельный запах то и дело возникал в углу, а иногда по камере проносился такой тоскливый вздох, что даже у Эдика Грузина его вечные байки застревали в горле.

– Нэльзя так, Сэня-джан, – заявил он как-то вечером, когда Вася особенно жалобно «сифонил». – Парня надо спасать! Тэория – это хорошо, но ему нужна практика! Ну, то

есть... рассказы о практике! С чувством, с толком, с расстановкой!

И Эдик, воодушевленный собственной решимостью и, не исключено, парой стаканов свежесваренного чифирия, решил перейти к более активным методам обучения.

– Смотри сюда, Вася! – вещал он, обращаясь к пустоте, но жестикулируя так, будто перед ним сидела целая аудитория восторженных неофитов. – Главное в этом деле – подход! Женщина, она как... как крепость! Сразу на штурм идти – глупо! Надо осаду вести! Compliments, цветы... ну, или что там у вас, у духов, вместо цветов? Может, эктоплазму красивую подарить?

Он расписывал тактику и стратегию соблазнения с таким жаром, будто сам только вчера вернулся с очередного любовного фронта с победой. Иногда он даже вскакивал с нар и начинал изображать – то пылкого Ромео под балконом (балконом служила верхняя койка Лёвы Философа), то коварного соблазнителя, шепчущего комплименты на ухо невидимой Джульетте. Это было бы даже смешно, если бы не было так... по-тюремному грустно. Старый, больной человек, из последних сил пытающийся изобразить мачо, которого, возможно, в нем никогда и не было.

Лёва пытался вставить свои пять копеек:

– Эдуард Арчилович, вы упускаете из виду психоэмоциональную составляющую! Важна не столько техника, сколько эмпатия, сонастройка с партнером! Синхронизация биорит-

мов, если хотите!

– Каких таких ритмов, Лёва? – отмахивался Эдик. – Главный ритм – это когда сердце стучит как бэшэный барабан, а в ушах – шум прибоя! Вот это ритм! Вася, ты понял? Шум прибоя!

Я слушал их, и в моей памяти, как непрошенные гости, всплывали совсем другие картинки. Не Эдиковские водевили с картонными страстями, а что-то свое, давнее, почти забытое. Первая неловкая близость в подъезде с девчонкой из соседнего двора, пропахшей дешевыми духами и страхом. Случайная связь с проводницей в поезде на Воркуту, такая же короткая и безрадостная, как полярная ночь. Редкие встречи с женой между ходками, полные невысказанных упреков и затаенной горечи... Да уж, наглядных пособий из моего прошлого хватило бы на целый сериал, только вот жанр у него был бы совсем не комедийный. Скорее, трагифарс с элементами производственной драмы. Эти мысли я, как обычно, доверял только своей тетрадке, выводя строки под аккомпанемент Эдиковых рулад.

Вася, наш призрачный ученик, реагировал на эти «практикумы» по-своему. Иногда в его углу становилось ощутимо холоднее, будто он съеживался от смущения или переизбытка информации. Иногда оттуда доносился едва слышимый писк, похожий на мышинный. А когда Эдик особенно увлекался описанием каких-нибудь анатомических подробностей, карамельный запах становился таким густым, что у

меня начинала кружиться голова. «Переваривает», – думал я с кривой усмешкой. – «Или его там от нашей науки просто тошнит».

Кодя Пыжов во время этих лекций сидел тише мыши, только крестился украдкой и бормотал себе под нос молитвы, перемежая их с жалобами на очередной приступ мигрени. Он все еще был на нервах после недавней «поставки», боялся любого шороха. И его опасения едва не оправдались.

Как-то днем Эдик особенно разошелся. Он изображал страстный танец с воображаемой партнершей, топая ногами и выкрикивая что-то на смеси русского и грузинского. Лёва пытался его урезонить, Кодя шипел, чтобы тот говорил потише. И в этот самый момент за дверью нашей камеры слышались тяжелые шаги и звяканье ключей.

– Тихо! – прошипел я. – Кажется, гости.

Эдик замер в нелепой позе, с задранной ногой и вытаращенными глазами. Лёва схватился за книгу. Кодя вжал голову в плечи. В глазке двери мелькнула тень.

– Камера четыреста двенадцать, – раздался снаружи равнодушный голос вертухая, молодого сержанта по фамилии Рыков, известного своей дотошностью. – Что за шум у вас там? Опять Гоглидзе свои песни горланит?

Сердце у меня ухнуло. Если Рыков решит зайти, а у нас тут Эдик в позе умирающего лебедя и общий вид нездорового возбуждения... да еще Кодина заначка, хоть и припрятанная, но все же...

– Все в порядке, гражданин начальник, – как можно спокойнее ответил я. – Просто... э-э-э... дискуссия у нас тут возникла. О литературе. Эдуард Арчилович как раз декла-мировал отрывок из поэмы... с выражением.

– Декламировал, значит? – в голосе Рыкова послышалось сомнение. – Смотрите у меня, Волков. Еще одна жалоба на шум – всю камеру вверх дном переверну. Поняли?

– Так точно, гражданин начальник, – отрапортовал я. – Тишина будет, как в библиотеке. В читальном зале.

Шаги удалились. Мы несколько секунд сидели не дыша. Первым опомнился Кодя.

– Я же говорил! – зашептал он, бледный как смерть. – Допрыгаетесь вы с этими... лекциями! Всех нас под монастырь подведете!

Эдик медленно опустил ногу.

– Вах, на самом интересном месте! – сокрушенно сказал он. – Я как раз хотел Васе про... про поцелуй рассказать! Первый! Самый сладкий!

Я посмотрел в угол, где предположительно находился Вася. Карамельный запах почти исчез, зато отчетливо повеяло холодом и чем-то еще... кажется, страхом. Похоже, наш призрачный студент испугался не меньше нашего. Да уж, практикум сегодня удался на славу. С наглядными пособиями из загробной жизни и вполне реальной возможностью огрести проблем от жизни тюремной.

Глава 7

Контрабанда и Консультации: Двойная Жизнь Камеры

№4

После того, как сержант Рыков едва не застучал нас на «горячем» – то есть, на горячечном бреде Эдика Грузина, – в нашей четвертой камере на некоторое время воцарилась конспирация. «Лекции» для Васи Неупокоенного мы не прекратили, но проводили их теперь шепотом, с оглядкой на дверь, и без активной жестикуляции со стороны нашего главного «практика» Эдуарда Арчиловича. Вася, кажется, тоже проникся моментом и вел себя тише – карамельный запах появлялся реже, а вздохи стали почти неслышными, будто он тоже боялся привлечь внимание вертухаев.

Но тюремная жизнь, она как река – всегда найдет, куда течь. И если один ручеек наших забот – призрачно-амурный – на время поутих, то другой, куда более прозаический и рискованный, наоборот, готовился разлиться вовсю. Речь, конечно, о нашей маленькой контрабандной артели.

Как-то утром, после раздачи хлеба, Кодя Пыжов, который ходил за пайкой на всю камеру, вернулся бледнее обычного. В его трясущейся руке была зажата крошечная, плотно скрученная бумажка – «малява».

– От Зубатого, – прошептал он, оглядываясь по сторонам, хотя все свои были на месте. – Заказ срочный. И... серьезный.

Зубатый был одним из местных авторитетов, сидел на со-

седнем бараке. Человек он был опасный, и ссориться с ним не хотелось никому. А его «серьезные» заказы обычно означали либо что-то очень дефицитное, либо очень рискованное.

Развернули маляву. Почерк у Зубатого был такой, будто курица лапой по наждачной бумаге прошла, но суть мы уловили. Ему требовалось «лекарство от душевных мук» – так он поэтично называл хороший коньяк – и не просто бутылка, а целых три. И еще кое-какие «витамины» в порошке, от которых у Лёвы Философа обычно начиналась философская дискуссия о расширении сознания, а у Коди – приступ паники.

– Три бутылки... – присвистнул Эдик. – Да это ж целый банкет! Куда он их прятать будет? И как мы их протащим? Это ж не сигареты в матрасе пронести.

– И «витамины» эти... – Кодя совсем сник. – За них сейчас по головке не гладят, Арсений Петрович. Сроки такие накручивают, что до Страшного суда не отсидишь.

Лёва Философ, как всегда, подошел к вопросу теоретически.

– С точки зрения логистики и оценки рисков, предприятие сие представляется крайне авантюрным, – изрек он. – Вероятность эксцессов приближается к критической отметке. Однако, отказ от сотрудничества с индивидуумом типа «Зубатый» также чреват не менее плачевными последствиями для нашего микросоциума. Дилемма, однако.

– Вот именно, дилемма, – проворчал я. – Жизнь наша вообще одна сплошная дилемма: либо баланду жрать, либо рисковать за кусок пожирнее. Думать будем. Есть пара идей, как это провернуть через прачечную, там сейчас новенький вертухай, молодой, зеленый... но рискованно.

И началась у нас двойная жизнь. Днем мы шепотом продолжали «консультировать» Васю по вопросам, от которых у любого нормального человека уши бы в трубочку свернулись. Эдик, понизив голос до интимного рокота, рассказывал про «первый поцелуй, такой, чтобы звездочки из глаз», Лёва вставлял замечания о «тактильном контакте как форме невербальной коммуникации», а Кодя бубнил про гигиену, даже если речь шла о бесплотном духе. Я же, Сеня Волк, сидел и думал не столько о Васе, сколько о том, как бы нам не прогореть с заказом Зубатого. В моих «Записках» тех дней строчки про амурные терзания призрака перемежались с расчетами, схемами и заметками о привычках охраны. Абсурд чистой воды. Старый вор, доживающий свой век, нянчится с привидением и одновременно планирует операцию по доставке элитного алкоголя криминальному авторитету. Хоть книгу пиши, не поверят.

Напряжение нарастало. Кодя почти перестал спать, каждые полчаса проверяя свои тайники и прислушиваясь к шагам в коридоре. Эдик, наоборот, стал еще громче и хвастливее, будто пытался заглушить собственный страх. Лёва цитировал стоиков. Я же просто делал свое дело – наблюдал,

думал, просчитывал.

Иногда мне казалось, что Вася чувствует наше напряжение. Карамельный запах в его углу становился слабее, а иногда оттуда доносились тихие, всхлипывающие звуки, будто он переживал вместе с нами. Пару раз во время наших «планерок» по поводу заказа Зубатого со стола сами собой падали мелкие предметы – то карандаш, то ложка. Мы списывали это на нервы или сквозняк, но в глубине души каждый думал: а не наш ли Вася пытается нам что-то сказать? Или просто... балуется от скуки?

День «операции» выдался на редкость мерзким. С утра зарядил холодный, пронизывающий дождь со снегом. Небо было низким, серым, как тюремная роба. Идеальная погода для темных дел, если бы не одно «но»: в такую погоду и вертухаи злее обычного, и лишний раз из своей каморки нос высовывать не хотят, а значит, бдительность их обостряется.

План был прост, как все гениальное, и рискован, как русская рулетка с полным барабаном. «Товар» должны были перебросить через забор прачечной в определенный час, Кодя должен был его подобрать под видом выноса мусора, а дальше – уже дело техники и наших тайников.

Время «Ч» приближалось. Кодя стоял у двери, белый как полотно, и то и дело вытирал потные ладони о штаны. Эдик ходил из угла в угол, как тигр в клетке, бормоча что-то про удачу и «настоящих мужчин». Лёва сидел с закрытыми глазами, погрузившись то ли в медитацию, то ли в глубокий фи-

лософский ступор.

Я стоял у окна-бойницы, пытаюсь разглядеть хоть что-то сквозь пелену дождя. И тут... в углу, где обитал Вася, резко похолодало. Так, что у меня зуб на зуб не попадал. И моя старая алюминиевая кружка, стоявшая на тумбочке, вдруг с тихим звоном упала на пол.

– Что за... – начал было Эдик.

– Тихо! – шикнул я. Все замерли. В этот самый момент за дверью послышались торопливые шаги и приглушенные голоса. Не плановый обход. Что-то случилось.

Мы затаили дыхание. Шаги прошли мимо нашей камеры, дальше по коридору, потом раздался какой-то шум, крики... Похоже, кого-то «принимали».

Когда все стихло, Кодя сполз по стене.

– Пронесло... – прошептал он. – Если бы не... если бы кружка не упала... мы бы как раз...

Он не договорил. Но мы все поняли. Если бы мы в этот момент возились с «товаром» или Кодя вышел бы в коридор, неизвестно, чем бы все закончилось.

Я посмотрел в Васин угол. Холод отступил, и снова едва заметно пахло карамелью. Совпадение? Или наш бесплотный студент решил-таки внести свою лепту в нашу контрабандную эпопею? Не знаю. Но заказ Зубатого в тот день мы благополучно получили и схоронили. И впервые за долгое время я подумал, что, может быть, этот странный симбиоз живых и мертвого в нашей четвертой камере – это не просто

абсурд, а что-то еще. Что-то, чего я пока не понимаю.

Глава 8

Когда Призрак Ревнует (или Что-то Вроде Того)

После той истории с кружкой и удачно провернутым «деланцем» для Зубатого, в нашей камере наступило что-то вроде вооруженного нейтралитета с потусторонним миром. Вася, наш невидимый сожитель, кажется, понял, что его мелкие «спецэффекты» могут иметь вполне реальные последствия для нас, живых, и на время притих. Мы же, в свою очередь, уверились, что он не просто так тут карамелью благоухает, а, может, и впрямь обладает неким... тактическим чутьем. В общем, жили мы теперь как коммунальная квартира с очень тихим, но обидчивым соседом.

«Уроки» для Васи, однако, не прекращались. Эдик Грузин, воодушевленный недавним успехом (и тремя стаканами свежего чифирия, который мы раздобыли благодаря тому самому заказу), решил взять быка за рога. Или, в нашем случае, призрака за его астральные... ну, вы поняли.

– Сегодня, Вася-джан, – объявил он тоном заправского тамады, – мы поговорим о Главном! О Той Самой! О женщине, которая заставляет твое сердце биться, как молот по наковальне, а душу – петь, как соловей в майскую ночь!

И Эдик, закатив глаза к обшарпанному потолку, начал живописать образ некоей Глафиры, его давней пассии, женщины, по его словам, «с глазами дикой серны и телом богини».

Рассказывал он так вдохновенно, так сочно, что даже я, старый прожженный циник, на секунду почти поверил в существование этой огнедышащей фурии.

– О, Глафира! – стонал Эдик, прижимая руки к сердцу. – Она одним взглядом могла разжечь пожар в моей душе! А ее смех – это была музыка! Мы с ней... ах, что мы с ней только не вытворяли!

В углу, где обитал Вася, заметно потеплело. Не холод, как обычно, а именно тепло, будто кто-то невидимый развел там маленький костерок. И карамельный запах стал таким густым, таким сладким, что у Коди Пыжова, кажется, даже зубы заныли.

– Похоже, нашему студенту понравилась ваша Глафира, Эдуард Арчилович, – заметил Лёва Философ, с интересом наблюдая за «Васиным» углом. – Происходит идентификация с объектом повествования. Весьма любопытный феномен астральной эмпатии.

Но стоило Эдику, увлекшись, упомянуть какую-то другую свою «музу», некую «нежную Любочку с глазами фиалки», как температура в углу резко упала, а по камере пронесся такой сквозняк, что у меня чуть тетрадь из рук не вырвало. Карамельный запах сменился на горьковатый, как от пережженного сахара.

– Э-э-э... – Эдик сбился. – А Любочка... она тоже хорошая была... очень... э-э-э... нежная.

Но Вася, похоже, был однолюб. Или, по крайней мере, его

призрачное сердце уже было отдано пылкой Глафире. Каждый раз, когда Эдик возвращался к ее описанию, угол теплел. Когда же речь заходила о других женщинах, оттуда веяло арктическим холодом и тихой, обиженной тоской.

– Ревнует! – хлопнул себя по ляжкам Эдик с видом знатока. – Вах, как настоящий джигит! Моя школа, Сэня, моя! Я его научу не только любить, но и ревновать правильно! Чтобы женщина чувствовала – огонь, а не просто сквозняк!

– Боюсь, Эдуард Арчилович, – вздохнул Лёва, – вы прививаете ему совершенно деструктивные модели поведения. Ревность – это чувство собственности, атавизм, не имеющий ничего общего с истинной платонической или даже эротической любовью.

– Зато какой эффект! – не унимался Эдик. – Вася, слушай сюда! Если твоя Глафира посмотрит на другого... ты должен... ты должен...

Что именно должен был сделать бестелесный Вася, Эдик так и не придумал. Похоже, его практический опыт не распространялся на выяснение отношений с соперниками в астрале.

Так мы и стали свидетелями первой призрачной «лав сторри» с элементами ревности. Вася «реагировал» на рассказы о Глафире с пылкостью неопита, а при упоминании других женских имен устраивал нам мелкие потусторонние пакости – то ложка со стола упадет, то чифирь в кружке внезапно остынет, то Кодины портянки сами собой слетят с батареи.

– От баб одни проблемы, – философски изрек Кодя, когда его любимые носки в очередной раз совершили несанкционированный полет. – Даже от тех, которых и нет вовсе. И болезни от них всякие... душевные. Вот Вася наш теперь мается. Лучше бы уж... стихи учил. Или молился.

– А может, ему совет нужен? – предположил я, наблюдая за этим театром одного невидимого актера. – Как с этой... ревностью бороться? Или наоборот – как ее правильно выражать, чтобы «Глафира» оценила?

И начался новый этап нашего ликбеза: «Семейная психология для начинающих духов».

Эдик советовал «быть мужиком, стукнуть кулаком по столу... ну, или чем там у них стучат». Лёва рассуждал о необходимости «вербализации чувств и открытого диалога с объектом привязанности». Кодя предлагал «покаяться и отпустить».

Я слушал их, а сам вспоминал... Да много чего вспоминал. И как сам когда-то ревновал по-глупому, и как меня ревновали, доводя до белого каления. И как потом оставалась только пустота и горечь. Любовь, ревность, обиды – сколько же дров наломано из-за этих трех слов, что на воле, что здесь... да, похоже, и на том свете от них не скрыться.

– Вася, – сказал я как-то тихо, когда сокамерники угомонились. – Ты вот что... Если тебе эта Глафира так запала, ты ей это... покажи как-нибудь. Не злостью своей призрачной, а... ну, я не знаю... Теплом своим. Ты же умеешь угол греть.

Вот и погрей ей там, где она сейчас... если она вообще была. А если не была – ну, придумай себе такую, чтобы не обижала.

В углу надолго воцарилась тишина. Даже карамельный запах почти исчез. А потом по камере пронесся очень тихий, почти неслышимый вздох. Но на этот раз в нем не было ни тоски, ни ревности. А что-то другое... Кажется, удивление. И, может быть, даже капелька надежды.

Кто бы мог подумать, что я, Сеня Волк, на старости лет буду давать советы по сердечным делам привидению. Да уж, тюрьма и не таких психотерапевтов рождает.

Глава 9

Большой Переполох в Маленькой Камере

После того, как я попытался вправить Васины астральные мозги на предмет куртуазного обращения с воображаемыми дамами, в камере на несколько дней установилась странная, почти благоговейная тишина. Вася, похоже, внял моим отеческим увещаниям и перестал устраивать температурные качели и швыряться предметами. Карамельный запах стал совсем тонким, едва уловимым, с ноткой задумчивости. Эдик Грузин, лишенный возможности живописать свои амурные подвиги в полный голос, загрустил и принялся с удвоенной силой нахваливать тюремную баланду, находя в ней «нотки прованских трав». Лёва Философ углубился в изучение «Этики» Спинозы, видимо, пытаясь найти там ответы на вопросы бытия нашего призрачного сокамерника.

Даже Кодя Пыжов немного расслабился и перестал подпрыгивать от каждого шороха.

Я уж было подумал, что наш маленький университет загробной любви можно временно распустить на каникулы, а самому сосредоточиться на более насущных проблемах – например, как бы выкроить из скудного тюремного бюджета пару лишних коробков спичек. Но не тут-то было. Тюрьма, она как женщина с дурным характером – никогда не знаешь, какой фортель выкинет в следующую минуту.

Тревожные вести принес ветер, а точнее, «дорога» – система межкамерной связи, работающая по принципу «из уст в уста» через проверенных людей и хитроумные «почтальоны». Утром, когда мы давились очередной порцией клейстера, именуемого кашей, Кодя, вернувшийся от «кормушки» бледнее обычного, прошипел:

– Шмон... По бараку пошли... Тотальный. С собаками. Говорят, Зубатый вчера буянил, вот начальство и озверело.

Это была новость хуже утренней баланды. «Тотальный шмон» – это значит, перевернут все вверх дном, вытряхнут не только матрасы, но и душу. А у нас, хоть и не так много, но кое-какой «джентльменский набор» имелся: и остатки коньяка для Зубатого, который он еще не успел затребовать, и кое-какие «витамины» про запас, и мой неприкосновенный запас чифирия. Мелочи, конечно, по сравнению с тем, что могли найти у того же Зубатого, но для нас – достаточно, чтобы огрести по полной программе, вплоть до карцера или

нового срока.

– Так, мужики, без паники, – сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Хотя внутри уже все сжалось в ледяной комок. – Время еще есть. Сейчас главное – быстро и без шума все перепрятать. Кодя, твои тайники выдержат?

Кодя только судорожно сглотнул. Его тайники были хороши для плановых проверок, но тотальный шмон с собаками...

– Не знаю, Арсений Петрович... Там же... нюх у них...

– Нюх у них на страх, Кодя, – попытался я его взбодрить. – А мы бояться не будем. Мы будем действовать. Эдик, Лёва, помогайте.

И мы заметались по нашей крошечной камере, как крысы на тонущем корабле. Я сунул остатки чифирия в самый дальний и пыльный угол под нарами, завалив его старым ватником. Эдик пытался пристроить недопитую фляжку с коньяком Зубатого (которую он, оказывается, успел почасть «для дегустации») в бачок для отходов, но тот, как назло, был почти полон. Лёва Философ, вместо того чтобы помогать, начал рассуждать о теории вероятности и оптимальных стратегиях сокрытия материальных ценностей в условиях ограниченного пространства.

– Лёва, твою мать! – не выдержал я. – Кончай философствовать, лучше подумай, куда эту «радость» деть!

И тут, в самый разгар нашей суматохи, из Васиного угла донесся громкий стук. Будто кто-то уронил на пол тяжелую

книгу. Мы замерли.

– Вася, тихо! – прошипел я в угол. – Не время для игр!

Но Вася, похоже, чувствовал общее напряжение и реагировал по-своему. Предметы на нашей общей тумбочке – кружки, ложки, огрызок мыла – начали мелко дрожать, а потом одна из кружек, та самая, что упала в прошлый раз, с дребезгом покатилась по столу и шлепнулась на пол, разбившись на несколько черепков.

– Да чтоб тебя! – выругался Эдик. – Вот не вовремя!

А за дверью уже слышался приближающийся топот сапог и лай собаки.

– Все, приехали, – выдохнул Кодя и сполз по стене.

Лязгнул засов. Дверь распахнулась, и на пороге возникла фигура сержанта Рыкова в сопровождении двух вертухаев и овчарки, которая скалилась так, будто собиралась сожрать нас вместе с нарами.

– Камера четыреста двенадцать! – рявкнул Рыков. – Всем встать! Руки за голову! Приготовиться к обыску!

Мы поднялись, подчиняясь приказу. Я старался выглядеть как можно спокойнее, хотя сердце колотилось где-то в горле. Собака зарычала и потянула поводок в сторону Кодиных тайников. Все, подумал я, сейчас начнется.

И тут произошло нечто из ряда вон выходящее.

Из Васиного угла, где только что летали предметы, вдруг пахнуло таким густым, таким сладким ароматом карамели, что даже овчарка на мгновение сбилась с нюха и удивленно

чихнула. А потом... потом старый, засаленный календарь на стене, тот самый, с девицей в кокошнике, вдруг сорвался с гвоздя и, пролетев по дуге, шлепнулся прямо на морду Рыкову.

Рыков взревел от неожиданности, отмахиваясь от календаря. Овчарка залаяла еще яростнее, но уже как-то растерянно. Вертухаи за его спиной на секунду опешили.

Этим моментом я и воспользовался.

– Гражданин начальник! – крикнул я с самым искренним возмущением, на какое был способен. – Что за безобразие! Календарь на честных арестантов кидается! Это ж нарушение всех правил внутреннего распорядка! Мы жалобу будем писать! Коллективную!

Рыков, красный как рак, сорвал с лица прилипший листок.

– Молчать, Волков! – прорычал он, но в голосе уже не было прежней уверенности. Он растерянно посмотрел на календарь, потом на нас, потом на свою собаку, которая теперь почему-то с подозрением обнюхивала угол, где только что бушевал Вася, но уже ничего не находила.

– Искать! – скомандовал он своим подчиненным, но как-то вяло.

Обыск был. Трясли матрасы, простукивали стены, заглядывали во все щели. Но то ли они были сбиты с толку этим дурацким календарем и запахом карамели, то ли просто торопились, но наших главных «заначек» они так и не нашли.

Даже собака, поведив носом у Кодиных тайников, как-то неуверенно вильнула хвостом и отошла.

Когда они ушли, хлопнув дверью, мы еще долго стояли молча, переводя дух.

– Ну, Вася... – протянул наконец Эдик, вытирая пот со лба. – Ну, артист! Такого даже я не ожидал! Календарем – по морде! Это ж... это ж высший пилотаж!

– Кажется, наш студент решил перейти от теории к активной практике самообороны, – усмехнулся Лёва, поднимая с пола разбитую кружку. – Весьма... экспрессивный метод.

Я подошел к Васиному углу. Карамельный запах почти выветрился, оставив после себя только легкий холодок и ощущение... чего-то похожего на усталость. Похоже, наш призрак тоже выложился по полной.

– Спасибо, Вася, – тихо сказал я в пустоту. – Кажется, ты нам сегодня шкуру спас. Только в следующий раз, пожалуйста, без спецэффектов с летающими предметами. А то у Коди сердце не выдержит.

Кодя Пыжов сидел на нарах, все еще бледный, но уже не такой перепуганный. В его глазах, кажется, впервые за все время нашего знакомства, мелькнуло что-то похожее на уважение. К призраку. Вот уж действительно, большой переполох в маленькой камере. И кто знает, чем бы он закончился, если бы не наш невидимый, но такой находчивый сокамерник.

Глава 10

Новый Горизонт или Тот Же Тупик?

После того, как сержант Рыков и его четвероногий ищейка покинули нашу камеру, несолоно хлебавши благодаря летающему календарю и карамельной «дымовой завесе» имени Васи, мы еще долго не могли прийти в себя. Кодя Пыжов первым делом перепрятал все «зачапки» в новые, еще более хитроумные места, бормоча что-то про «ангела-хранителя в углу» и «чудесное избавление». Эдик Грузин, наоборот, расхрабрился и теперь рассказывал всем подряд (то есть нам троим), как он «одним взглядом» умирил Рыкова, а Вася – это так, для подстраховки сработал. Лёва Философ глубокомысленно изрек, что «вмешательство иррациональных сил в детерминированный ход событий есть лучшее доказательство несостоятельности чисто материалистического подхода». Я же просто молчал и думал. Думал о том, во что мы ввязались, и куда нас эта кривая выведет.

Последствия «большого переполоха» не заставили себя ждать. По всему бараку закрутили гайки: проверки стали чаще и злее, вертухаи цеплялись к каждой мелочи. Наша маленькая контрабандная лавочка на время почти заглохла – рисковать в такой обстановке было чистым самоубийством. Даже Зубатый, получив-таки свой коньяк (правда, с небольшим опозданием и моими извинениями за «непредвиденные логистические трудности»), передал, чтобы мы пока «залегли на дно». Похоже, и ему лишние проблемы были не нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.